Д.Ю. ПОЗДНЯКОВА
Магистр РГХПУ им. С.Г. Строганова
e-mail: d.tardi@yandex.ru

Е.В. ПОЗДНЯКОВ
Инженер-реставратор
e-mail: peijer2012@yandex.ru

С.Е. ПОЗДНЯКОВА
Бакалавр РГХПУ им. С.Г. Строганова
e-mail: d.tardi@yandex.ru

D.Y. POZDNYAKOVA
Master of the Russian State Stroganov University of Design and Applied Arts
e-mail: d.tardi@yandex.ru

E.V. POZDNYAKOV
Restoration engineer
e-mail: peijer2012@yandex.ru

S.E. POZDNYAKOVA
Bachelor of the Russian State Stroganov University of Design and Applied Arts
e-mail: d.tardi@yandex.ru

DOI: 10.37485/1997-4663_2024_4_3_190_196

ЗУБОВА МАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА — МОНАХИНЯ-ПРОФЕССОР. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДОМУ

ZUBOVA MARYA VASILYEVNA IS A NUN-PROFESSOR. A TRIP AROUND THE HOUSE

Статья посвящена профессору Московского архитектурного института, художнице, монахине, представительнице династии ученых Зубовых, Марье Васильевне Зубовой. В фотографиях сохраняются интерьеры профессорского дома.

The article dedicatad to the professor of the Moscow Architectural Institute, comes from Zubov dynasty of scientistists, Marya Vasilievna Zubova. The photographs show the interiors of the professor's house.

Ключевые слова: Марья Васильевна Зубова, Василий Павлович Зубов, Павел Васильевич Зубов, Зубовы-Полежаевы, Московский архитектурный институт МАРХИ, Академия реставрации.
Keywords: Marya Vasilievna Zubova, Vasily Pavlovich Zubov, Pavel Vasilievich Zubov, Moscow Architectural Institute MARHI, Academy of Restoration.

Где-то в 1990-х годах ректор Московского архитектурного института Олег Иванович Пруцин решил восполнить отсутствие в институте факультета реставрации архитектуры и создал Академию реставрации архитектурного наследия, собрав профессорский цвет того времени. В ней преподавали: историю архитектуры Владимир Иванович Плужников, рисующий мелом архитектурную сложную изометрию одной линией. Проектирование акустически, дополняя высказывания друг друга, преподавала всеми любимая пара: Владимир Иванович Мальгин и Лариса Вячеславовна Богачева. Материаловедение и технологии преподавал неизменный Юрий Борисович Кукс, геодезические исследования — Евгений Меркурьевич Пашкин. Ирина Геннадьевна Французова, совмещая со Строгановкой, преподавала архитектурную керамику. Сергей Николаевич Марочкин водил экскурсии по архитектурной Москве, настраивая взгляд на видение подлинных декоров. Митрополит Питирим Нечаев рассказывал на лекциях про комплексные исследования и ансамблевость в архитектуре. А невысокая старушка, опирающаяся на палочку, профессор Марья Васильевна Зубова, читала историю русской архитектуры, по которой затем издала учебник (ил. 1).

Рис. 1. М.В. Зубова

Как дореволюционные профессора вели занятия в собственных квартирах, Марья Васильевна проводила лекции, принимая студентов в своем доме — старинном особняке на Таганке, занимая весь третий этаж двухэтажно-

го с фасада дома. Для реставраторов эти занятия много значили, перенося в обстановку XIX века, пространство, соразмерное человеку и в пропорциях, и в освещении, и в гармоничности.

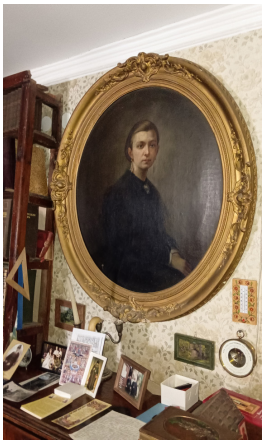

Рис. 2. Семейный портрет в интерьере

Лекции были важны и по-своему апологетичны. В истории встречаются редкостные люди, которые харизматично нацеливают собеседника на более высокое качество, чем то, в котором он обычно существует. Марья Васильевна своим примером влияла на студентов тем, что горизонт исследований капитально расширялся, а знания из обычных студенческо-поверхностных сразу ставились на качество фундаментальности. Обладая обширным историческим материалом, историю архитектуры, она снабжала анализом иконографии, иконописными программами иконостасов и росписей. Те из архитекторов, кто не учился у Марьи Васильевны, часто обнаруживали пробелы в русском искусстве при реставрации памятников, зачищая сохранившиеся фрески до какого-нибудь особо ценного века, равнозначного пустой стене.

Студенты плавно становились друзьями дома, получая в любое время консультации по различной степени сложности вопросам, а также получая приглашения на праздники и дары в виде издаваемых с большим трудом научных книг. В интерьерах можно было все рассматривать, вещи и предметы сохранялись с большой любовью, и если сравнивать фотографии интерьера 1990-х и 2024 года, то почти ничего не менялось (ил. 2).

Интересным архитектурным объектом были печи. В советское время все печи до какого-то уровня заливались бетоном, а отец Марьи Васильевны вставил какие-то перемычки, от чего печи не были забетонированы и продолжили функционировать. Это пригодилось в 1990-х годах, когда зимой отключали отопление. Пригодились и студенты, которые приносили дрова и топили печь.

До революции предки Марьи Васильевны владели фабрикой. Деду, Павлу Васильевичу Зубову, надоело управлять, он продал фабрику и занялся научной деятельностью и собиранием коллекций. Отец Марьи Васильевны, Василий Павлович Зубов, был выдающимся ученым, историком искусства, исследователем, преподавал в Московском архитектур-

ном институте, написал множество трудов, которые положили фундамент для деятельности Марьи Васильевны. Она обучалась рисунку и живописи, работала мультипликатором на студии «Союзмультфильм». Окончила Московский государственный университет, защитила диссертацию по графике художника Анри Матисса, для чего ездила во Францию. Говорят, она приехала на велосипеде в монастырь Бюсси-ан-От, в дальнейшем ее судьба тесно переплелась с Францией, в которой она проводила по полгода, на зиму возвращаясь обратно к преподаванию в МАРХИ и в Академии реставрации. Никто не знал, что она много лет, почти с конца 90-х, была в монашеском постриге, во Франции жила в Покровском монастыре. Духовник ее говорил впоследствии, что для Марьи Васильевны был трудноразрешимым вопрос, правильно ли она поступает, совмещая монашество с наукой и преподаванием.

В науке у каждого свой ритм и объем исследований, у Марьи Васильевны был ритм, могущий свалить любого выносливого человека — она издавала в год по книге, не просто описания, а колоссально насыщенные исследования, учебники, разбор и публикация архивов, материалы по канонизации.

О гостеприимстве дома Марьи Васильевны говорит табличка у лестницы от первого этажа: «В гости к Марье Васильевне» с указателем-стрелкой. Пройдя немного внутрь, надо было подниматься по деревянной лестнице наверх, на лестнице — дорожка, а стены и прихожая завешаны и заставлены картинами. Марья Васильевна много писала пейзажей и натюрмортов, некоторые картины были особо ей любимы и оставались на своих местах — это портрет, сделанный углем, и натюрморт — пейзаж Коктебеля. Другие картины в прихожей менялись, перемещались, большинство из них хранилось в мастерской — во флигеле дома. Около года назад флигель пришлось освободить, и все картины перенесли наверх, так что теперь трудно определить, где чья картина: некоторые работы писала Марья Васильевна, какие-то ее друзья. Два художника завещали Марье Васильевне свои работы, одна из них — Наталья Тихоновна Сорокина, которая интересна тем, что ее мать первым браком была замужем за Ильей Эренбургом, а вторым — за Тихоном Ивановичем Сорокиным, который собирал картины для Третьяковки. Эта семья дружила с Максимилианом Волошиным, лето проводили в Коктебеле. Волошин определил судьбу Натальи Тихоновны как художницы. Она дружила сначала с братом Марьи Васильевны, а потом и с ней. Второй художник — Александр Александро-

Рис. 3. Книги и сундук

Рис. 4. Гостиная с овальным столом, в которой читались лекции

Рис. 5. Комната для бесед

вич Подколзин, его работы есть в Третьяковской галерее. В прихожей стояли огромные расписные сундуки (ил. 3).

По архитектурной планировке серединой квартиры была небольшая кухня с одним окном, за которым вели свою независимую жизнь разноцветные голуби. От нее вправо и влево было по две комнаты-залы, в которых незаметно затерялись несколько роялей, а точнее, их было три. Две проходные залы были в два окна, а за ними другие комнаты имели два окна по линии фасада, выходящего во двор, и другие два окна по торцевым сторонам. В самой светлой зале окна были заставлены зелеными растениями, так что получался почти зимний сад. Цветы, букеты были расставлены везде, живые, сухие, образуя красивые цветовые пятна still live, тихой жизни, как на натюрмортах Моранди. В серо-зеленой гостиной проходили лекции (ил. 4), в красной — концерты, в желтой — уютные разговоры под лампой (ил. 5), а за роялем был и научный кабинет, и молитвенная келья, в желто-полосатой жила сестра Марьи Васильевны.

В красной гостиной был оформлен большой рамой сохранившийся фрагмент разновременных обоев прежних времен, и каждый студент-архитектор или реставратор был знаком с этим во многом дидактическим, любовно оберегаемым куском.

Больше всего привлекали внимание, конечно же, фамильные портреты купцов Зубовых и Полежаевых: женщины с буклями, бородатый купец, старушки в платочке с завязанными на голове концами, мужчины с завитой уложенной прической, маленькая серьезная девочка в нарядном белом платье. Эти портреты — то немногое, что претерпело изменение за двадцать лет, они были отреставрированы — и черноватая таинственная копоть двух веков исчезла. Интересен был портрет из цельного мрамора, по весу тяжелый, он представлялся невесомым рядом с кружевом окна, так тщательно было выделано кружево на накидке, драпирующей плечи женщины. Это портрет Анны Алексеевны Полежаевой. Детский портрет — это портрет ее сестры, Клавдии Алексеевны Полежаевой.

Можно было рассматривать всё — книги, иконы, игрушки; наверно, не было бы гостя, который не поиграл в старинные бирюльки, хранившиеся в старинном шкафу XIX века под странным названием «шкаф-монашка». Были очень странные предметы, видимо, каких-то кустарных производств конца XIX — начала XX века, привлекавшие внимание оригинальностью декора или конструкции: мельничка, орехокол, кукла-негр, фрагменты декоров из мрамора или дерева в виде маскаронов. Предметом восхищенного любования студентов был китайский черно-лаковый стол с перламутровой инкрустацией, он жил собственной жизнью — по надобности он был кабинетным столиком, а если столешница опускалась, он превращался в декоративный экран.

Для реставраторов исторических интерьеров дом представлял кладезь информации — можно было наблюдать сотню подлинных мелочей, это принципы развески картин и фотографий, размещение источников света, кладка паркета, расположение и декор дверей, размеры карнизов по периметру потолка, пропорции окон. Был случай, когда на проекте нужно было сделать аутентичные ручки, и заказчик настаивал на одной ручке. Единственным приемлемым аргументом стала фотография дверей из интерьера дома Марьи Васильевны, доказывающая, что для двойных анфиладных дверей ручки должны быть парные и симметричные.

В архиве Марьи Васильевны сохранялись старинные семейные альбомы для гостей, где каждый посетитель оставлял запись: пожелание, стишок или рисунок, например:

«Будь милое дитя семейству украшеньемъ
Расти и съ быстрымъ летъ теченьемъ
Что есть печаль — не знай,
Что есть порокъ — не понимай!

А. Ш.
1856 года Августа 22 дня».

Если бы гости Марьи Васильевны записывали свои визиты, то это был бы многотомник с автографами лучших представителей науки и искусства современности.

Список литературы:

1. *Герасимов Ю.Н., Годлевский Н.Н., Зубова М.В.* История архитектуры. Т. I и II. – М.: Архитектура-С, 2016.

2. *Зубова М.В.* Святой праведный Алексей Южинский. 1967–1934. 80 лет со дня прославления. – М.; Бюсси-ан-От: Издание Покровской Обители, 2015. – 623 с.

3. *Зубов В.П.* Аристотель. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 336 с.

4. *Зубов В.П.* Избранные труды по истории философии и эстетики 1917–1930 / В.П. Зубов; Московский архитектур. ин-т. – М.: Индрик, 2004.

5. *Зубов В.П.* Логика Авиасафа. Труды по истории религиозно-философской мысли и науки Древней Руси / В.П. Зубов; сост. М.В. Зубова. – М.: Усадьба Зубовых, 2003.

6. *Зубов В.П.* Научная реставрация архитектурного ансамбля Троице-Сергиевой Лавры 1938–1945 гг. Историко-документальное и археологическое исследование / В.П. Зубов. – М.: Усадьба Зубовых, 2003.

7. *Зубов В.П.* Семейная хроника. Зубовы и Полежаевы / Сост. М.В. Зубова. – М.: Нумизматическая лит., 2010.